

Из воспоминаний Юрия Фёдоровича Марина,
в те времена старшего научного сотрудника
Алтайского госзаповедника

Про Дмитрия Петровича Ядамыкова

История наших отношений с Дмитрием Петровичем складывалась почти с самого начала моей работы в заповеднике и продолжалась до отъезда из него в 1981 году. Дмитрий Петрович был родом из селения Коо, что находится в долине Чулышмана. Поэтому он был и остается для меня истинным представителем коренного алтайского населения. Когда выполнялись общие работы, участником которых был также Д.П.Ядамыков, то выделить его из массы других лесников-алтайцев вовсе и не хотелось. Как и все другие, он был доброжелателен, выдержан, исполнителен, внутренне интеллигентен, с хорошим чувством юмора. Индивидуальные черты характера проявились для меня в совместных с ним полевых работах, где он был и хорошим следопытом, и незаменимым проводником, и умелым конюхом, и универсальным рабочим.

Первый совместный с ним выход состоялся в начале осени 1971 года, когда меня направили на недолгие полевые работы в помощь (и на учебу) к опытному зоологу из БИ СО АН (ныне ИСиЭЖ) – Юне Владимировне Дроздовой. Ядамыков жил в то время на кордоне Ак-Курум близ устья р.Чульчи. С кордона, что в устье Чулышмана, нас четверых (меня, Юну Владимировну, ее сестру Тамару и зоолога А.Б.Бешкарев) в пешем порядке, но с грузом на лошадях, доставил лесник Герасим Лукич Каланов. После ночлега мы погрузили свой груз на другую лошадь и мимо знаменитых «чулышманских столбов» поднялись в верховья р.Карасу. Там выставили ловушки для учета мелких млекопитающих, комфортно ночевали в пастушеской избе и на следующий день с уловом и без проблем вернулись в Ак-Курум. Там-то и происходили основные события.

Расседлали лошадей, поставили палатки, перекусили. Затопили баню. Искупались. И по заведенной в народе традиции решили отметить счастливое возвращение небольшим возлиянием. Но мне (непьющему) хотя и было понятно, что алтайцы нестойки к действию алкоголя, но и в голову не могло прийти, что до такой степени. У Юны Владимировны была фляжечка с чистейшим медицинским спиртом. Как всем, так и Петровичу налили не более 50 мл спирта, разбавленного неизвестным мне количеством воды. Потом, возможно, был подходящий повод опрокинуть еще по 20-30 мл этой смеси. И вот произошло то, чего никогда не должно происходить по вине неосмотрительных научных сотрудников. Петрович заметно «поплыл». Он погрузнел, отключился от общих разговоров и ушел к костру. Там он стал говорить на алтайском языке сам с собой, временами заметно повышая голос как бы произнося заклинания. Он явно камлал, кидал в костер кусочки мяса. Время от времени вполне четко слышалось знакомое уже мне слово «курмес» и что-то, что я истолковал как угрозы в адрес вообще русских людей. Стало страшновато, особенно с учетом того, что рядом с ним лежал карабин. Именно карабин и показался мне ключевым в этой неприятной ситуации. Стараясь не спровоцировать человека на агрессивные действия, я подошел к нему. Не уверен, что он меня вообще заметил. Вынул затвор. Не вступая в разговоры с ним, отошел к нашей компании. Наутро все проснулись. Дмитрий, как его звали алтайцы, выпросил у Дроздовой минимальнейшую дозу спиртного, ссылаясь на головную боль. Ни о чем не спросил. И мы его не расспрашивали. Затвор я ему, так же молча, вернул. Больше мы об этом случае никогда не вспоминали. Спиртом и водкой я до этого и потом никогда с людьми вообще не рассчитывался. Хотя в России это довольно трудно делать. Но все же очень неприятный случай со спиртом и с моим невольным участием в Алтайском заповеднике произошел в 1978 году в Язулинском лесничестве. Но об этом как-нибудь потом.

Другая, гораздо более продолжительная и сложная экспедиция с его участием проходила летом 1973 года.